
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.1

ПОРОЧНАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ

Аннотация. *Есть книги, которые отражают глубинный ценностный разлом в наличной культуре. Они обозначают другую ментальность, иной образ жизни. Нередко сам автор вовсе и не ставит перед собой задачу проложить путь для новых жизненных и практических установок. Хотел ли австрийский и немецкий психиатр Рихард Крафт-Эббинг написать такой труд как «Половая психопатия»? Скорее всего, нет. Он выполнил простую профессиональную задачу — рассказать о сексуальных перверсиях как о психопатических отклонениях. И вызвал такой общественный скандал.*

Ключевые слова: *психология, чувственность, благочестие, викторианская этика, психиатрия, психоанализ, перверсии, нравственность, мазохизм, садизм.*

Крафт-Эббинг не мог даже вообразить, почему собственно психологи, психиатры, педагоги дружно ополчились против него. Разве он виноват в том, что его несчастные пациенты (а он психиатр) подвержены странным сладострастным соблазнам? Неужели эти эротические отклонения, сопровождающие историю человечества не достойны быть объектом научного исследования? Он что хотел привлечь к ним внимание нецелованных барышень или прыщавых подростков? Или сам при этом утратил свое целомудренное благочестие?

Ничего подобного. Крафт-Эббинг сочинял книгу о любви, чистой, непорочной, не подверженной порче. Автор рассуждает о чувственности и нравственности. Он прославляет платонические чувства. Отдает должное истинной любви и ее отражению в искусстве. В предисловии к первому изданию он даже отметил с горечью, что философы мало писали о любви. В ту пору можно было назвать, пожалуй, Платона, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и А. Шопенгауэра. Сегодня, кроме З. Фрейда, Э. Фромма, Ж. Лакана пришлось бы перечислять множество имен и трактовок, никак не связанных ни с психиатрией, ни с психоанализом. Но в конце XIX в. такая экспертиза была справедливой.

Тема порочной любви казалась стыдной. Господствовала викторианская этика, ханжеская и репрессивная. (Ее называли так по имени английской королевы Виктории). В викторианской этике столы и стулья до самого пола покрывались белоснежными чехлами. Ножки, разумеется, деревянные, но обнажить их перед посторонним и дерзко пытливым взглядом неприлично. Супруги не имели право видеть друг друга обнаженными. Грешные дела творились под одеялом, во тьме.

Женщина не смела обнаружить свою животность: стонать и извиваться во время интимной близости. Это рассматривалось как вызов общественной морали. Супругам при посторонних следовало обращаться друг к другу официально (мистер Такой-То, миссис Такая-То), чтобы нравственность окружающих не страдала от интимной игривости супружеского тона.

И вот появляется книга «Половая психопатия», в которой каждому половому извращению посвящается отдельная глава. Их оказывается много: здесь и гомосексуализм, и лесбиянство, и фетишизм и зоофилия, и некрофилия. Как вы полагаете, о чем пишет Апулей в романе «Золотой осел»? Или, к примеру, эта великая античная поэтесса Сапфо, когда слагает эти строчки: «По мне тот не смертный, а бог безмятежный, кто может спокойно сидеть пред тобой»? Это как раз не о мужчине, а о Лесбии, ее подружке. Но стоит ли писать об истерии, мании или о паранойе?

Однако эти темы и до Р. Крафт-Эббинга освещались в медицинской литературе. Во второй половине XIX в. стала складываться медицинская сексология. Вслед за разрозненными замечаниями появились подробные описания сексуальных отклонений. Более того, парадоксальным образом отмечалась роль эротических извращений в моральной истории человечества. Известный философ и психиатр К. Ясперс писал в своей докторской диссертации: «Личности, сыгравшие важную роль в истории духовной культуры, неизменно окружены специфической аурой аномальных инстинктивных состояний — страстной любви-ненависти, садомазохистского наслаждения, фригидной жестокости, жажды господства и любви и т.д. Для того чтобы правильно понять многие духов-

ные движения истории — такие, например, как связь между аскетизмом, жадой господства, жестокостью (особенно в средние века) и почти всеми формами фанатизма, — важно знать, насколько многочисленные и разнообразные формы могут принимать эти аномальные инстинктивные состояния»¹.

Почему же больше всех досталось Р. Крафт-Эббингу? Даже в некрологе ему указали на тот факт, что книга стала пощечиной общественному мнению. Автор — психиатр, но он же и прекрасный литератор. Его труд не утомляет читателя психиатрической тарбарщиной. Он ссылается на литературные произведения, на дневниковые записи. Это и было воспринято как вызов. Христианский Запад, подчеркивал К. Ясперс, демонстрировал обскурантизм в вопросах пола. И как реакция на викторианскую этику обнаружила себя страсть к разоблачению сексуальных тайн. Прочитав книгу Р. Крафт-Эббинга, З. Фрейд стал обдумывать секреты психосексуального развития человека. Оформился психоанализ как направление философской и психологической мысли. Замячила перспектива сексуальной революции. Обнаружилась жажда к новым способам удовлетворения чувственности, желание высвободить и модифицировать сексуальные влечения.

Крафт-Эббинг Рихард (Krafft-Ebing, Richard von) (1840-1902) — немецкий психиатр и невропатолог. Родился 14 августа 1840 г. в Мангейме. Учился в Гейдельберге, Цюрихе, Вене и Праге. В 1864 г. стал ассистентом в приюте для душевнобольных в Илленау. В 1868 г. переехал в Баден-Баден, где занимался исследованием и лечением нервных и психических заболеваний; в 1872 г. стал профессором психиатрии Страсбургского университета. Спустя год занял пост директора Национальной клиники для душевнобольных в Граце. С 1880 г. — профессор психиатрии и нервных болезней университета Граца, а с 1889 г. — профессор Венского университета. В 1902 г. Крафт-Эббинг возвратился в Грац, где работал в частном санатории.

Сексуальная революция, во многом инспирированная и книгой Р. Крафт-Эббинга, изменила отношение к тайнам пола. Эротические отклонения давно уже стали темой публичного обсуждения. Сегодня никого нельзя повергнуть в смятение сообщением о гомосексуальных пристрастиях того или иного политика, педофильских влечениях католического кардинала. Эротические утонченности стали основой для разработки психологических типологий². Гомосексуальная ориентация

обнаружила свою агрессивность в современной культуре. Пошатнулась грань между нормой и патологией. Выявилась роль сексуальности в реализации властных диктатов. Неожиданно обнаружила себя и асексуальность как некая тенденция современной жизни. Грандиозные смысловые, мировоззренческие преобразования произошли за последние полвека именно в понимании сексуальности. Ожидания и прогнозы оказались либо смещенными, либо просто неверными. Произошла невероятная поляризация мнений, позиций.

Более того, именно сексуальные пристрастия теперь рассматриваются как ключ к анализу «специфически человеческого». Крупные исследователи посвящают труды мазохизму и садизму как важнейшим антропологическим темам. Тайна мазохизма состоит в том, что она парадоксально соединяет боль и наслаждение. Разве можно получать блаженство от страданий? Оказывается, можно, и это сочетание выявляет довольно расхожим. Пирсинг, татуировки и клеймо на лице и теле, разнообразное членовредительство и стиль садомазохизма стал частью модных увлечений, особенно среди молодежи. Американская исследовательница Джей Ливернуа считает, что всех этих явлений четверть века назад не было. Мазохизм в его современных формах — относительно новый и оригинальный феномен.

Вряд ли это так. Людей всегда пленяло и подавляло свое и чужое страдание. У мазохизма — древние корни. Не следует ли признать, что все люди, в конечном счете — мазохисты? полагает Д. Ливернуа. Суждение во многом верное, но небесспорное. Действительно, то, что психоанализ считает болезнью, религия много веков расценивала как лечение. Об этом, в частности, пишет американская исследовательница Лин Коуэн в книге «Мазохизм». Не только Эдип, но и другие мифологические персонажи: Дионис, Прометей, Сатурн участвовали в психологическом наполнении идей мазохизма.

Эротические изыски во многом определили и типологию характеров, представленную Э. Фроммом. Понятие «биофил» у американского философа не тождественно характеристике жизнелюба, воссозданного, скажем, художественной литературой. Оптимизм, наслаждение жизнью — доминирующие психологические штрихи в образе Фальстафа или Дон Жуана. Биофильство же, как оно трактовано американским исследователем, — это глубокая жизненная ориентация, которая пронизывает все существо человека. Биофил же, в отличие от некрофила, не способен к тому, чтобы «раззять» действительность, увидеть ее в одном измерении. Принимая ее целокупно, ощущая всю сложность течения жизни, он ориентирован на все, что противостоит смерти.

¹ Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. С. 391.

² См.: Гуревич П.С. Психоанализ личности. М.: Институт гуманитарных исследований, 2011.

Противоположностью биофила оказывается некрофил, тоже выражающий эксцентричность человеческой природы. Некрофил, напротив, любит смерть. Некрофил — антипод жизни. Его неудержимо влечет ко всему, что не растет, не меняется, ко всему механическому. Но движет его поведением не только тяга к омертвелому, а и стремление разрушить зеленеющее, жизнеспособное. Поэтому все жизненные процессы, чувства, побуждения он хотел бы опредметить, превратить в вещи. Жизнь с ее внутренней неконтролируемостью, ибо в ней нет механического устройства, пугает и даже страшит некрофила. Он скорее расстанется с жизнью, нежели с вещами, поскольку последние обладают для него наивысшей ценностью. Так как же распознать некрофила? Э. Фромм разъясняет: некрофила влекут к себе тьма и бездна. В мифологии и в поэзии его внимание приковано к пещерам, пучинам океана, подземельям, жутким тайнам и образам слепых людей. Глубокое интимное побуждение некрофила — вернуться к ночи первоздания,

или к праисторическому состоянию, к неорганическому миру. Он, как подчеркивает американский философ, в сущности, ориентирован на прошлое, а не на будущее, которое ненавистно ему и пугает его. Но жизнь никогда не является предопределенной, ее невозможно с точностью предсказать и проконтролировать. Чтобы сделать жизненное управляемым, подконтрольным, его надо умертвить...

Книга Р. Крафт-Эббинга не утратила своей актуальности. Напротив, она и сегодня может служить основой для серьезных психологических и психиатрических исследований. Этот труд может содействовать и значительным социологическим, культурным обобщениям. Недаром французский философ Ж. Бодрийяр отмечал появление новой эротической культуры. Раньше все вращалось вокруг проблемы сексуального желания и его реализации, теперь сексуальная культура ставит свои собственные вопросы: «А имею ли я вообще секс? Какой секс я имею? Каковы сексуальные различия?».

Список литературы:

1. Берн Э. Секс в человеческой любви. М., 1997.
2. Гуревич П.С. Психодиагностика личности. М., 2011.
3. Кляйн М., Бриттон Р., Фельдман М., О`Шонесси Э. Эдипов комплекс и эротические сны. Клиническое применение. М., 2001.
4. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 1998.
5. Крафт-Эббинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. М., 1996.
6. Лоуэн А. Секс, любовь и сердце. М., 2004.
7. Спирина Э.М. Статьи «Тело», «Телесность», «Лоуэн Александр» // Психологический словарь. М., 1997.
8. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

References (transliteration):

1. Bern E. Seks v chelovecheskoy lyubvi. M., 1997.
2. Gurevich P.S. Psikhodagnostika lichnosti. M., 2011.
3. Klyayn M., Britton R., Fel'dman M., O`Shonessi E. Edipov kompleks i eroticheskie sny. Klinicheskoe primenenie. M., 2001.
4. Kon I.S. Lunnyy svet na zare. Liki i maski odnopoloy lyubvi. M., 1998.
5. Kraft-Ebbing R. Polovaya psikhopatiya s obrashcheniem osobogo vnimaniya na izvrashchenie polovogo chuvstva. M., 1996.
6. Louen A. Seks, lyubov' i serdtse. M., 2004.
7. Spirova E.M. Stat'i «Telo», «Telesnost'», «Louen Aleksandr» // Psikhologicheskii slovar'. M., 1997.
8. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya. M., 1997.